

Г.В. Флоровский

**Владимир Соловьев и Данте: задача
христианской империи
протоиерей Георгий Флоровский**

Параграф I II III IV

...quella Roma onde Cristo è romano

PurgatorioXXXII, 102¹

В 1883 году ряд статей Владимира Соловьева было опубликовано в славянофильском еженедельнике «Русь», редактором которого был Иван Аксаков, под общим заглавием «Великий спор и христианская политика». «Спор» произошел между Востоком и Западом и, в частности, между Христианским Востоком и Западом, то есть Византией и Римом. Раскол на Восточную Империю и Римскую Церковь стал камнем преткновения и сущностью спора. России, как «Третьему Риму», была поручена задача по примирению. Предстояло убедительно доказать, что она не просто повторение или продолжение Византии, «Второго Рима», но воистину *Третий Рим*, который поэтому и смог бы примирить и связать узами Первый и Второй. Это должно было стать некой разновидностью исторической диалектики: тезис, антитезис и синтез: *Рим, Византия и Россия*. Здесь впервые Соловьев раскрыл свои новые взгляды: многовековая историческая напряженность между Востоком и Западом могла разрешиться только «воссоединением церквей», и только в союзе с Римской Церковью Россия смогла бы выполнить свое историческое призвание и разрешить насущные проблемы своего национального бытия. По своей сути, как тайнодейственное тело Христово, Церковь не была разделена. Она по-прежнему оставалась Единой, несмотря на видимое отделение двух «церковных сообществ» друг от друга. Никакого тайнодейственного разделения не произошло, а было всего лишь историческое отчуждение. Восток сберег сакральные сокровища вероисповедания, однако не обладал той структурой и организацией, которая одна только и могла наделить христианство историческим правом и мощью. Римская Церковь в действительности была только частью Церкви Вселенской, но все же средоточием христианской *Ойкумены* оставался Рим. Она была только часть, но часть, единственно в которой основная структура Церкви, как Тела и Общества, была сохранена и осуществлена. Христианский Восток не видел всей исторической панорамы, пока оставался не примирен и не воссоединен с Католическим Западом².

Все это было совершенно неприемлемо для редактора славянофильского издания. Аксаков весьма настоятельно попросил Соловьева пересмотреть свою точку зрения и, при любом исходе, отредактировать рукопись. В заключение всего, он принял решение приостановить статьи Соловьева. Опубликованный текст «Великого

спора» является, безусловно, «отредактированным» и неполным. Много из того, что Соловьев намеревался сказать, осталось невысказанным. Некоторые главы, уже написанные, должно было быть исключены или заменены новыми переработанными вариантами. Опубликованная редакция дает лишь искаженный образ представлений, своевременных Соловьеву в 1883 году.

Другие дополнительные сведения можно извлечь из писем к Аксакову, написанных в период публикации статей Соловьева в его журнале³. В ответ на возражения Аксакова Соловьев открыто заявлял о своей непоколебимой вере в *Вечный Рим*, который не следует отождествлять с «папизмом». «Я смотрю прежде всего на великий, святой и вечный Рим, основную и неотъемлемую часть вселенской церкви. В этот Рим я верю, перед ним преклоняюсь, его люблю всем сердцем и всеми силами своей души желаю его восстановления для единства и целостности всемирной церкви, и будь я проклят как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слово осуждения на святыню Рима».

Аксаков, видимо, предложил внести некоторые корректуры в первоначальную рукопись, представленную Соловьевым. Последний, несклонный уступать, решил изложить целиком новую статью⁴. Написание нового материала на некоторое время было отложено, а тем временем Соловьев продолжал исследования. В ту пору он читал униатскую полемику XVI по-польски и Данте по-итальянски⁵.

По-видимому, в рукописи, отклоненной Аксаковым, был некий «отрывок об Императоре», который Аксаков особенно не одобрил. Соловьев был согласен на его купюру: «не потому чтоб я отказался от этой идеи, а потому, что, изложенная кратко и отрывочно, она действительно могла бы вызвать неверные и грубые представления». Однако не было ничего «грубого» в самой идее. «Нужно помнить, что такой многообещающий принцип, как “всемирный Император”, “вселенский первосвященник” и т.п., является прежде всего как знамя или как символ, а всякий символ, если его отделить от его идейного и жизненного содержания, есть нечто грубое и вещественное». Кроме того, идея «Всемирной Монархии» отнюдь не принадлежала лично Соловьеву; скорее, это было вековечное чаяние народов. В русском языке последнее выражение содержит очевидный мессианский смысл, напоминая одно из пророчеств Книги Бытия (49, 10), где эти же самые слова являются переводом греческого %Г [prosdokí%Г [a efnw n⁶ (и есть только в Септуагинте). «Из людей мысли эта идея одушевлена в средние века, между прочим, Данта, а в наш век за нее стоял Тютчев, человек, как Вам

хорошо известно, чрезвычайно тонкого ума и чувства. В полном издании «Великого спора» я намереваюсь изложить идею всемирной монархии большей частью словами Данте и Тютчева⁷.

Никакое полное издание «Великого спора» не было опубликовано. В «Истории и будущности теократии», изданной в 1887 году, Соловьев не говорит об Империи. Действительно, в книге на французском языке «La Russie et l'Eglise Universelle», написанной в 1887 году и вышедшей в Париже в 1889 году, во введении, Соловьев заводит разговор об Империи. Правда, на Тютчева он здесь совсем не ссылается. Данте процитирован единожды («le plus grand des écrivains catholiques» [величайший из католических писателей]), с определенной ссылкой на несколько «бессмертных стихов» из «Божественной комедии»⁸. Этому не следует удивляться. Книга написана с определенным намерением и для определенной аудитории, и, Соловьев, по совету своих католических сторонников, ограничился в ней историческим и полемическим доказательством Первенства Петра. К большому разочарованию Соловьева, все «общие соображения и отдаленные умствования» пришлось опустить, и удержаться от печати некоторых уже написанных частей⁹.

Таким образом, обещанное описание концепции «Всемирной Монархии» по «большой части словами Данте и Тютчева» никогда не было осуществлено¹⁰. Однако, нельзя упускать высказывание Соловьева о том, что, по крайней мере, было время, когда он находился под глубоким воздействием от идей этих авторов. Беглый исторический обзор предназначения Христианской Империи – с проблесками будущей картины – данный Соловьевым во введении к книге на французском, определенно совпадает в некоторых пунктах с точкой зрения Тютчева, несмотря на то, что их взгляды во многом полностью расходятся¹¹. Влияние Данте на Соловьева, как представляется, было достаточно серьезным, и можно обнаружить постоянные дантовские сюжеты и мотивы в его теократических построениях. Это совсем не означает, что Соловьев некогда был раболепным последователем Данте.

§ II

Вера в Вечный Рим являлась одной из исходных положений теократического учения Соловьева. Сам Древний Рим, Священная Римская империя цезарей, сущностно принадлежал, в его понимании, к истории спасения. Соловьев, рассуждая о представлении образа четырех монархий в книге пророка Даниила, делает следующий вывод: Римская империя «не представляла части чудовищного колосса, осужденного на гибель, но рамки и пребывающую материальную форму, в которую могло отлиться Царство Божие (*lecadre et le moule matériel du Royaume de Dieu*). Великие державы древнего мира были преходящим явлением в истории: один Рим пребывает доселе (*Rome seule vit toujours*). Капитолийская скала освящена была библейским камнем, и римская империя обратилась в ту великую гору, которая, согласно пророческому видению, родилась из этого камня»¹².

Главным для Соловьева являлось то, что христианская теократия обладала двояким – библейским и римским – основанием. Намного больше, чем риторический парадокс, было его положение о том, что Симона Петра следовало бы воспринимать как преемника Юлия Цезаря: «И, низвергая с престола ложный и нечестивый абсолютизм языческих Кесарей, Иисус в то же время подтвердил и увековечил всемирную монархию Рима, дав ей истинную теократическую основу. В известном смысле это было лишь переменой династии; династию Юлия Цезаря, верховного первосвященника и бога, сменила династия Симона Петра, верховного первосвященника и слуги слуг Божиих»¹³.

Далеко не поэтическим преувеличением является положение Соловьева о том, что «Отца Энея» вместе с «Отцом верующих» Авраамом следовало бы рассматривать как прародителя христианства. Соловьев, именно в момент написания книги для французского издательства, пишет Николаю Страхову: «Я считаю “отца Энея” вместе с “отцом верующих” Авраамом настоящими родоначальниками Христианства, которое (исторически говоря) являлось лишь синтезом *этих двух parentali'й*»¹⁴. Иначе говоря, имели место две параллели теократической предзаданности – одна берет начало в истории Израиля, а другая в истории Рима.

Удивительным представляется то обстоятельство, что в период работы над книгой на французском, Соловьев совместно с А. Фетом переводил с латыни «Энеиду»¹⁵. Эти два пересечения нельзя не связать друг с другом. «Переводя теперь в часы досуга «Энеиду» русскими стихами, я с

особенною живостью ощущаю в иные минуты ту таинственную и вместе естественную необходимость, которая сделала из Рима центр Вселенской Церкви»¹⁶. Разумеется, Соловьев вполне мог читать Вергилия, не сводя это чтение к Данте, но если принять во внимание, что он фактически одновременно переводил из Данте, то не будет дерзновенным увидеть в этом связь¹⁷. С другой стороны, параллельная отсылка к двум историям, иудейской и римской, одна из самых характерных черт стиля Данте. «Даже самый неискушенный читатель [говорит Эдвард Мур] в состоянии отметить во всех трех частях *Божественной Комедии*, и особенно в *Чистилище*, каким взаимоисключающим друг друга способом, или же кругами, показаны образы порока и добродетели, взятые из Писания или светской литературы. Объяснением использования Данте этого способа является признание того факта, что он рассматривал народ Рима Богом “избранным народом”, как и евреев, одного с целью привести к созданию *Всемирной Империи*, другого к тому, что называется *Всемирной Церковью*. Римская и иудейская истории одинаково “священны” для Данте... Цитаты из Вергилия, “*divinus poeta noster*” [божественный поэт наш], приводятся наряду со ссылками на Писание, а его знаменитые строфы “*Tu regere imperio populos, Romane, memento*” [Римлянин! Ты научись народами править державно] etc., приведены как подтверждение Божьего промысла о становлении Рима *Всемирной Империей* в таком изводе, в каком надлежит сослаться на Писание»¹⁸. Самая примечательная иллюстрация данного обдуманного параллелизма есть в «Аду» (II, 13–33), когда Эней и св. Павел введены особо почетными гостями в незримом мире («Io non Enea, io non Paulo sono» [Я не апостол Павел, не Эней]), один – от лица грядущей Империи, другой – во имя Церкви, в предвосхищении того «святого града», в котором преемник Верховного Петра заступит на престол. Согласно хронологическим подсчетам Данте, приход Энея в Италию совпадает с появлением на свет Давида. Так две «*parentalia*» были провидчески сплетены в одно событие.

Большой отрывок на эту тему, показательный и крайне интересный, есть в «Пире» (IV, 5). В нем основание Рима прямо связано с возвышенным таинством Воплощения. Для нисходящего на землю Сына Божьего должна быть достойная обитель и кров. Саму Землю необходимо пресуществить «наилучшим устройством», *in ottima disposizione*, для Его пришествия, и таким наилучшим устройством является «Монархия». По этой причине «божественным промыслом был определен народ и город, которым надлежало это исполнить, а именно – прославленный Рим» – *ordinato fu per lo divino provvedimento*. С другой стороны, «был назначен некий

святейший род», от него мать Воплощенного должна быть рожденной в надлежащее время – и род этот являлся родом Давидовым. «И все это совершилось одновременно (*in uno temporale*), ибо когда родился Давид, родился и Рим, то есть тогда, когда Эней прибыл из Трои в Италию, от чего и возникло римское государство, как об этом свидетельствуют писания. Ведь совершенно очевидно, что божественный выбор (*la divina elezione*) пал на римскую империю потому, что святой город (*de la santa cittade*) родился одновременно с зарождением корня Мариинова рода... О несказанная и непостижимая премудрость Божья, ты, которая столь давно уже готовилась к своему пришествию там, в Сирии, и здесь, в Италии! (*che a una ora, per la tua venuta, in Siria suso e qua in Italia tanto dinanzi ti preparasti*)"¹⁹. Книга вторая дантовской «Монархии» целиком посвящена обоснованию провиденциальной «законнорожденности» Римской Империи, а довод является в большей мере богословским. «Если Римская империя существовала не по праву (*de jure non fuit*), Христос, родившись, совершил бы несправедливость». Раз это, очевидно, невозможно, Данте заключает, что Христос подтвердил «законность» Рима. Он совершил свободный выбор быть рожденным *sub edicto Romani Imperatoris* [согласно эдикту Римского Императора], «дабы при этой исключительной переписи рода человеческого Сын Божий, став человеком, был записан как человек (*in illa singulari generis humani descriptione homo conscriberetur*); а это и значило соблюсти повеление». Соответственно, он признал эту юридическую силу – свободным выбором умереть по приговору власти Рима. Приговор не имел бы силы, если римские цезари не правили *de jure*. Итак, «женех ее [Римской Империи] Христос признал империю в начале и в конце своей миссии (*in utroque termino sue militiae*)"²⁰. Мысль вновь содержательна по своей глубине: *Sponsus Christus* коррелятивен *Sponsa Ecclesia*, а Рим есть *Sedes Sponsae* (*Epist. VIII, alias XI, «Cardinalibus ytalicis», 11*)²¹.

Исключительно на такой основе нам станет доступна возвышенная вера Соловьева в «Вечный Рим». Он написал только первый том «Истории Теократии», где рассмотрел библейскую предзаданность в становлении теократии. Три последующих тома планировалось сделать историческими. Соловьеву вряд ли удалось бы уклониться от обсуждения «римской» родословной Церкви²². Это, разумеется, является только предположением. Тем не менее, обсуждаемого вопроса невозможно избежать: как Соловьев приходит к этой необыкновенной вере в Вечный Рим? Данте и Вергилий, его *Duca* и *Dottore* [вождь и наставник], являются прямым источником такого убеждения. В ранних представлениях Соловьева образ Вечного

Рима не играл определенной роли. Только после 1883 года, по его собственному признанию, он читает Данте и видит в нем имперского пророка. Кроме того, в понимании Данте Империя коренится на признании того, что род людской, – то есть, род человеческий, или человечество – являлся или ему следовало бы являться органическим единством, одним целым. Эта мысль, будучи близка Соловьеву, постоянно занимала его мысли. У Бога должна быть особая цель для всего человечества – *finis totius humanae civilitatis* [цель всей человеческой гражданственности]. Для Данте это являлось исходным смыслом в «Монархии». «Существует, следовательно, некое действие (*propria operatio*), свойственное человечеству в целом, в соответствии с которым упорядочивается великое множество людей во всей своей совокупности». Целеустремленностью рода человеческого является мир, и Император, следовательно, прежде всего, *rex pacificus* [царь-миротворец], блюститель единства и согласия. Как Мир возможно основать исключительно на Справедливости, так и Монарху необходимо быть «чистейшим воплощением справедливости». В конечном счете, обостряет чувство справедливости и озаряет ее, как раз «благоволение», или *recta dilectio* [благоволение]. Монарх, ведомый благоволением и справедливостью, «слуга всех» (*minister omnium*). Таков ход рассуждений Данте в Первой книги «Монархии», и он делает вывод: «*Estigitur Monarchianecessariamundo...*

AdoptimamdispositionemmundinecesseestMonarchiamesse...

AdbeneessemundiMonarchiamnecesseeeste» [Отсюда следует, что монархия необходима миру... Для наилучшего устройства мира непременно должна существовать монархия... Для благополучия мира необходимо должна существовать монархия]²³. Отлично сказано – «Империя, обсуждаемая Данте, теоретическое утверждение, а не существующая реальность»²⁴. Правдой является то, как ясно излагает Брюс, что на Западе «Священная Империя была мечтой, возвышенным замыслом, равно богословским и поэтическим, единства человечества, единства людей, ее чад Божьих, одинаково осуществленной и в единстве Церкви, являющейся к тому же Государством, и в единстве Государства, являющегося к тому же Церковью»²⁵. Империя Данте, несмотря на то, что являлась мечтой или утопией, была мечтой о надежде и вере. В том смысле, что это было мысленное проецирование прошлого в будущем. Его Империя, как недавно предполагалось, «не была Священной Римской Империей западного феодализма, также не была языческой империей Августа или Траяна. То была империя Константина, Феодосия и

Юстиниана, чье великолепие увековечено в базиликах Сан-Витале и Сант-Аполлинаре-ин-Классе»²⁶. Тот Юстиниан, который в шестой канцоне «Рая», ведет рассказ о римском орле, *il sacrosanto segno* [священный стяг].

Во введении Соловьева к сочинению «La Russie et l’Eglise Universelle» придается значение именно Справедливости и Единству, или «солидарности». Врожденное стремление к сплоченности с другими народами присуще всей человеческой истории и выражалось различно: в склонности к всеобщей монархии, достигшей расцвета в идее и действительности *рaх Romana* или в убежденности иудеев о природном единстве и общем истоке всего рода человеческого. В этом вновь прослеживается параллелизм в процессе римского и еврейского становления. Ранее не существовавший и высший образец христианского духовного братства существовал, но был не в полной мере осознан Средневековьем. Основное внимание христианского государства должно уделяться именно сохранению мира. Однако византийское преобразование Римской Империи, начатое Константином и завершенное Юстинианом, было исключительно номинальным. Государство, оставшееся к тому же по своему духу по-прежнему языческим, затем впало в ересь, цезаропапизм (*C aesaropapism*). Миссия создания христианского государства, отвергнутая Греческой Империей, была поручена властью Папы романо-германскому миру. Однако в конечном итоге Священная Римская Империя изжила себя, оставаясь «фиктивной империей» – *l’empireromainfictif*. Церковь также не смогла обеспечить соблюдения мира и справедливости в Европе, что явилось следствием отсутствия у нее имперского могущества, которому надлежало быть подлинно Христианским и Кафолическим.

С этого момента, Соловьев утверждал, что именно Россия является исторически предзаданной и предопределенной обрести «политическое могущество», необходимое Церкви для спасения Европы и мира. Безусловно, это была мечта, утопия, иллюзия. Однако утопия и иллюзия надежды и веры. В этом чувствовался трепет колоссального замысла. Занятия Соловьева Данте только способствовали утверждению и усилению его теократического видения. Мир и единство были и должны быть вековым «чаянием народов», чаянием языков.

§ III

Упоминание Данте в «La Russie et l’Eglise Universelle» крайне существенно. Соловьев, вопреки своей беззаветной верности «Монархии св. Петра», стремился удержать баланс между «человеческим» и «божественным». Его теократическое построение являлось по сути «дуалистическим», а точнее, «триадическим». Священство (*Sacerdotium*) не должно быть поглощено Империей (*Imperium*), точно так же как Церковь не должна быть зависима от Государства. Всякое «несториянское» отделение «религии» и «политики» было непозволительным. Однако столь же непозволительным являлось и любое «слияние» или «смешение» властей и полномочий. Вопрос ставился деликатно. Безусловно, что с наступлением Царства Божия отпадет необходимость в отдельной секулярной власти. Если признано абсолютной ценностью Божественное начало, то никакое другое начало не может быть допущено как обладающее равной силой. Положение Цезаря, входящего в Царство Божие, полностью меняется: в едином Царстве сосуществованию двух равных и независимых властей нет места²⁷.

Однако даже в Царстве Божием, как показывает история, должны быть Цезари. Существует некая «социальная Троица», троица мессианских властей. Вторая мессианская власть – это христианское царствование. «Христианский царь, король, император или что-либо другое подобное, по преимуществу – духовный Сын первосвященника. Если единство государства сосредоточивается и реализуется в первосвященнике, и если существует сыновнее отношение между христианским государством, как таковым, и Церковью, то это отношение должно существовать реально, и, так сказать, ипостасно между главою государства и главою Церкви». «Вторая мессианская власть», Царствование, «рождена» (по сути) от первой, тем духовным отцовством, что возложено на Папу. Но, тем не менее, она обладает своей собственной сферой действия и влияния. «Как Божественный Отец действует и проявляет себя в творении через Сына, Слово Его, – точно так же Церковь Бога, духовное отечество, вселенское папство должно действовать и проявляться в мире внешнем через посредство христианского государства, в царской власти Сына. *Государство должно быть политическим органом Церкви, мирской владыки должен быть Словом владыки духовного. Таким путем вопрос о первенстве между этими двумя властями падает сам собою: чем более они представляют то, чем они должны быть, тем полнее равенство*

между ними и тем они обе свободнее". На деле, и Соловьев был в этом убежден, надлежащей согласованности двух мессианских властей можно достигнуть только благодаря примирению третьим, Пророчеством, «лишь в этом пророческом будущем, коего они сами суть определяющие предпосылки и условия»²⁸.

При любых обстоятельствах, согласно мысли Соловьева, Церкви не следует напрямую вторгаться в мирское пространство, поступаясь в практической борьбе против зла своим священным величием. И по этой же причине, в случае отсутствия необходимого инструмента Царствования или Империи, Церковь оказывается неспособной внести мир и справедливость в человеческие отношения. Опасным для Церкви является положение, когда она подчинена или сведена к имперской функции. Это как раз то, что произошло в средневековой «папской империи» или «имперском папстве» Иннокентия III и Иннокентия IV. Такой власти были необходимы люди, обладающие исключительными свойствами, но на смену великих пап, возведших политику до высоты морального поступка, пришли другие, низведшие религию к материальному интересу. Как раз здесь вводится ссылка на Данте, «призывавшим в бессмертных стихах нового Карла Великого, чтобы положить конец пагубному смешению обеих властей в римской Церкви»²⁹.

Соловьев приводит цитаты из XIX канцоны *Ада* и из VI и XVI канцон *Чистилища*. В XIX канцоне *Ада* Данте обвиняет Симонистов и показывает корыстолюбие незаконных наместников папского престола, *un pastor senza legge* [пастырь без закона]. Он осуждает Константина за Дар «пастырю и клиру» (*quelladotechedatepreseilprimoriccopatre* [этот дар твой пастырю и клиру]). Данте не перестает сожалеть о фатальных последствиях этого ошибочного поступка, хотя вполне допускает, что Константин совершал жест доброй воли. Однако император не обладал правом на совершение такого поступка. Данте вновь обращается к Дару в *Монархии* и объясняет, что, прежде всего, непозволительно делить империю; он затем повторяет, что отчуждать от империи отдельные привилегии подобно лишь тому, как может быть разодран «хитон несшитый, разодрать который не осмелились даже те, кто пронзили копьем истинного Бога, Христа». Невозможно более настойчиво подчеркнуть самоуправление Империи. «Империи не подобает разрушать самое себя» – *ergo Imperio seipsumdestruerenonlicet*. Кроме того, «Церковь не могла принимать, то даже допустив, что Император мог давать по собственному усмотрению»³⁰.

В VI канцоне *Чистилища* Данте обличает и осуждает внутренние

распри, которые лишают Италию единства. И вновь упоминается имя Юстиниана: «К чему тебе подправил повода Юстиниан, когда седло пустует?» Нет никакого Императора, и сады империи пустыньны (строки 88–89, 104–105). Шестнадцатая канцона *Чистилища* особенно уместна для нашей цели. В ней содержится речь Марко Ломбардского о сбитой с толку мирской власти. «Законы есть, но кто же им защита?» Нет императора, вожатый же, к которому вся паства льнет, негоже поступает, и лучшего не ждет, а паства вслед ему послушная идет. В этой фразе содержится явная аллюзия на Папу. Что мир такой плохой, виной тому является дурное управление. Римская Церковь попала в логово, *взяв на себя* мирских забот *обузу, под бременем двух дел* (confondere in sè due reggimenti [силась сочетать в себе два строя]), на срам себе и грузу. В прошлом, когда «Рим, давший миру наилучший строй, *имел два солнца*, так что видно было, где божий путь лежит и где мирской» (*due soli aver, che l'una e l'altra strada facean vedere, e del mondo e di Deo*). Одно другое погасило ныне, меч слился с посохом, и это искаженье породило дурное управленье (строки 94–127). Данте беспрестанно настаивает на двоевластии: *должны быть Два Солнца*, то есть *duo luminaria magna*, Папа и Император. Любой беспорядок во власти неминуемо ведет к беде. В *Монархии* Данте оправдывает непрременную независимость империи тем, что император «стоит в непосредственном отношении к главе вселенной, то есть к Богу» (*immediate se habere ad principem universi qui Deus est*). Однако, в то же самое время, он признает несомненную «зависимость» римского государя от римского понтифика, «коль скоро помянутое смертное счастье в каком-то смысле сообразуется со счастьем бессмертных (*quodammodo ad inmortalem felicitatem ordinetur*). Итак, пусть цезарь окажет *Петру уважение, проявляемое первородным сыном к отцу своему*, дабы, озаренный светом отчей славы, тем доблестнее разливал он лучи по всему кругу земному, над которым получил он власть единственно от того, кто в руках своих держит все духовное и мирское»³¹.

В *Комедии* Данте зрит человеческую историю в ином свете и в развернутой перспективе. И более смел в обличении вырождения Церкви, говоря об этом непосредственно устами святого Петра (*Paŭ*, XXVII. 40–66). "*Odifesa di Dio, perchepurgi aci*«? [О божий суд, восстань на нечестивых!] (cf. Psalm XLIII, 23: *Exsurgẽ quare obdormis, Domine* [Пс 43, 23: Восстань, что спишь, Господи!]). Только в данном случае, придавая значение тому, что очищение более необходимо для исцеления Церкви, нежели для сохранения независимости империи. Важно отметить, что Соловьев целенаправленно цитирует именно эти канцоны *Комедии*.

Вопреки своему утверждению о непререкаемом авторитета св. Петра, он стремится вынести Священство (*Sacerdotium*) за пределы политики, сохранив за Государством (*Imperium*) последнее право на одобрение Истины. Обо всем этом ему поведал Данте³².

§ IV

Теократическое построение Соловьева было ладно сложенной концепцией. Мы можем различить следы отдельных влияний и впечатлений, испытанные Соловьевым в непрерывном порядке. В этом построении легко обнаружить определенные противоречия. Держится ли Восток незыблемого предания, а его предельность заключается именно в том, что он заточен в прошлое, оказавшись не способен к какому-либо историческому действию, в то время как Запад представляет всю мощь человеческого поступка? Такова его позиция в «Великом споре». В книге же «La Russie et l’Eglise Universelle» надежды возлагаются на Восток, именно Россию, которая от лица всех славян «возьмет за дело Константина и Карла Великого», будет влиять на текущие события, в то время как прошлое является воплощенным в Вечном Риме, в отцовстве Великого Понтифика. Отдавал ли Соловьев себе отчет в этой смене фигур и диспозиций? Необходим более скрупулезный анализ мессианского видения Соловьева в свете изменений его взглядов, чтобы дать ответ на этот вопрос. Цель этого очерка – отдать должное Данте, возможно оказавшему влияние на формирование теократических взглядов Соловьева.

Примечания

¹ - ...quella Roma onde Cristo è romano. Purgatorio XXXII, 102. « ...тот Рим, где римлянин – Христос. Чистилище XXXII, 102. У Михаила Лозинского полностью терция (100–103) переведена так: Ты здесь на краткий срок в сени лесной, // Дабы затем навек, средь граждан Рима, // Где римлянин – Христос, пребыть со мной». Далее, все цитаты из комедии даются в его переводе по изданию: Данте Алигьери. Божественная Комедия. – М: Гос. Изд. Худож. Лит., 1961. – Прим. перев.

² - «Великий спор» впервые опубликован в «Руси» (1883), № 1, 2, 3, 14, 15, 18 и 25; переиздан в Собрании сочинений Соловьева, Т. IV. [Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Собрание Сочинений. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. – Т. 4. – С. 3–114. Далее цитируется как СС].

³ - Впервые опубликованы в Русской мысли (декабрь, 1913), а затем переизданы в Письмах Соловьева (Петербург, 1923); здесь и далее цитируются как Письма [Соловьев В.С. Письма. – Пг.: Время, 1923. – Т. IV. – С. 13–28].

⁴ - Письма, 21 марта 1883, письмо 9. Курсив мой [Ibid. С. 21].

⁵ - Письма, 22 июня, 1883, письмо 11 [Ibid. С. 22].

⁶ - %Г [prosdoki%Г [a efnw n (греч.) – чаяние языков. – Прим. перев.

⁷ - Письма, 26–27 ноября, 1883. Курсив мой [Op. cit. С. 27].

⁸ - La Russie et l'église Universelle, 3rd ed. (Paris, 1922), p. LVI; Английский перевод: Russia and Universal Church (London, 1948), p. 30 [Русский перевод Г.А. Рачинского: Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // СС. 1969. – Т. 11. – С. 168].

⁹ - См. письма Соловьева к о. Павлу Пирлингу, S.J.: Письма, III (1911), 148–153 [Соловьев В.С. Письма. – СПб.: Общественная польза, 1911. – Т. III. – С. 148–153] и книгу: Strémooukhoff D. Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique (Paris, 1935), Appendix, p. 308 и 309, sf. также pp. 206ff.

¹⁰ - См., тем не менее, его более позднюю статью «Всемирная Монархия» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [СС. 1970. – Т. 12. – С. 563–564].

¹¹ - См. две мои статьи на эту тему: «The Historical Premonitions of Tiutchev» (в этом томе) и «Tiutchev and Vladimir Soloviev», Путь, № 41, 1933, 3–24 (в этом томе). Основной политический трактат Тютчева

LaRussieetl'Occident (1849) доступен только в отрывках из его биографии, написанной Иваном Аксаковым, «Биография Федора Ивановича Тютчева», Русский Архив, 1873; отдельное издание, Москва, 1886. (Биография, конечно, написана по-русски, но многие тексты Тютчева процитированы в оригинале по-французски). Три политических статьи Тютчева, опубликованные по его собственной инициативе, также переизданы Русским архивом и позднее в его собрании сочинений (Полное собрание сочинений, С-Петербург, 1913). Наиболее важная из этих статей, отвечающая нашим нынешним целям, озаглавленная «La Question Romaine», первоначально появилась в LaRevue des deux mondes в 1849 году. Выразив надежду, что христианский мир может быть восстановлен, он завершает ее воспоминанием о сильном душевном волнении, вызванном посещением Рима Николаем I в 1846 году: «l'apparition de l'Empereur Orthodoxe revenu à Rome après plusieurs siècles d'absence» [появление православного Императора в Риме после многовекового отсутствия], (Полное собрание сочинений, 363). Будет уместным привести свидетельства современников. Гоголь делится похожим впечатлением в письме к графу Александру П. Толстому от 2 января 1847 года: «Его повсюду в народе называли просто Imperatore, без прибавления: di Russia, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли» (Н.В. Гоголь, Полное собрание сочинений, Академия наук СССР, XIII, 24). Соловьев сам упоминает о прежней вере Тютчева в воссоединение Церквей «через соглашение Царя с папой», но впоследствии он отказался от этой идеи. См. статью «Поэзия Ф.И. Тютчева», Полное собрание сочинений, VII, 133 [Ор. cit. 1966. – Т. 7. – С. 133].

¹² - La Russie et l'église universelle, 144; Английский перевод, 114 [Ibid. 1969. – Т. 11. – С. 247].

¹³ - La Russie et l'église universelle, 143; Английский перевод, 113. Курсив мой [Ibid. С. 246].

¹⁴ - Письма, I (1908), 36, 20 мая 1887, письмо 27. Курсив мой [Loc. cit. 1908. – Т. I. – С. 36].

¹⁵ - Письма, II (1909), 253–254, к князю Дмитрию Цертелеву, сентябрь 1887, письмо 30 [Ор. cit. 1909. – Т. II. – С. 253–254]. Соловьев переводил Песни 7, 9 и 10, а также Четвертую Эклогу; см. Стихотворения, Теол., 1921, С. 194–196.

¹⁶ - Письма, III, 154–155, к отцу П. Пирлингу, 7–9 августа 1887 [Ор. cit. 1911. – Т. III. – С. 154–155].

¹⁷ - В переводе Соловьева известны два сонета Данте: в его Стихотворения, 7-е изд., 1921, С. 195 и f. (Сонет 8, «Vita Nuova» (9), XV, 4–6, и Сонет 6, «Vita Nuova», XIII, 8–9).

¹⁸ - Edward Moore, *Studies in Dante*. Первая серия: *Scripture and Classical Authors in Dante* (Oxford, 1896), 26. Курсив мой; см. также книгу – Nancy Lenkeith, *Dante and the Legend of Rome* («Medieval and Renaissance Studies», ред. Richard Hunt и Raymond Klibansky, Приложение II, The Warburg Institute) (London, 1952), 89: «Данте, по сути, создал из римлян избранный народ, обладающий местом и значением в провиденциальной истории, сходной в этом с Иудейской».

¹⁹ - Английский перевод W.W. Jackson (Oxford, 1909). Курсив мой [Русский перевод прозы А.Г. Габричевского, канцон И.Н. Голенищева-Кутузова: Данте Алигьери. Пир // Данте Алигьери. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 211].

²⁰ - Монархия, II, 11 и 12: Перевод на английский с предисловием Donald Nicholl, «Library of Ideas» (New York, б.г.), 56–59. «Признал ее законность» является скорее «вольным» переводом латинского выражения «quodfuitilludprosequi» [а это и значило соблюсти повеление]. Gustavo Vinaу также помещает «lavalidità» [действительность, законность, сила] в свой итальянский перевод (Firenze, s.d.) [Русский перевод В.П. Зубова: Данте Алигьери. Монархия // Данте Алигьери. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 339–341. Здесь и далее, все цитаты из этого произведения даются в его переводе по этому изданию. – Прим. перев.].

²¹ - Жених Христос коррелятивен Невесте Церкви, а Рим есть Престол Невесты (Письма VIII, в другом месте XI, «Итальянским кардиналам», 11).

²² - См. Письма, III, 148, 150 – Отцу Пирлингу, 20 июня и 14 июля 1887, письма 7 и 8 [Лос. cit. 1911. – Т. III. – С. 148, 150].

²³ - Лос. cit. С. 311–319. – Прим. перев.

²⁴ - A. P. d'Entreves, *Dante as a Political Thinker* (Oxford, 1952), 34.

²⁵ - James Viscount Bryce, *The Holy Roman Empire*, новое издание (1904) (New York: Macmillan, 1928), 343.

²⁶ - George Every, *An Essay on Charles Williams*, процитировано по «Комментариям» Dorothy L. Sayers к переводу Чистилища (Penguin Classics, 1955), 194, ad XVI, 106. См. d'Entreves. op. cit., 35: Дантовское понятие Империи «родственно римской, или скорее византийской, идее Государя, возникшей из Свода законов Юстиниана». С другой стороны, Уильямс был прав, связывая образ Императора у Данте с «Отцом Энеем».

«Образ такого государя, у Данте, происходит исключительно от предстоящего ему пятивекового образа Карла Великого. И, бесспорно, навеян образом Карла Великого, но и (за восемь столетий до Карла Великого) образом самого Юлия Цезаря; и даже до Юлия, хотя тогда и не было императора, однако существовала родовая знать римлян, берущая начало от Энея, а позади Энея возвышается Троя... . Ключ к Комедии хранится в Монархии, однако ключ к Монархии хранится в Энеиде». Charles Williams, *The Figure of Beatrice* (London, 1953), pp. 93f.

²⁷ - «Критика отвлеченных начал», Собрание сочинений, II, 164 [СС. 1966. – Т. II. – С. 164].

²⁸ - *La Russie et l'Eglise universelle*, 314ff; Английский перевод 203ff. Курсив мой [СС. 1969 – Т. 11. – С. 337–340].

²⁹ - *La Russie et l'Eglise universelle*, pp. LVI-LVII; Английский перевод 29–30. Курсив мой [Op. cit. С. 168].

³⁰ - Монархия, II, 12, 13; III, 10, 13. [Loc. cit. С. 354–355].

³¹ - Монархия, III, 16 [Ibid. С. 360 и 362].

³² - Обзор разных толкований политических взглядов Данте не входил в наши задачи. Толкование, данное профессором d'Entreves, в его последней книге на английском, цитированной выше, представляется вполне убедительным. В его заметках есть ценные библиографические указания. Авторитетный указатель содержит книга: Umberto Cosmo, *Handbook to Dante Studies* (Oxford, 1950); перевод на английский – David Moore. Стоит также сослаться на книгу: Étienne Gilson, *Dante the Philosopher* (перевод на английский – David Moore (1949), и его же *Les Metamorphoses de la Cité de Dieu* (Paris, 1952).

Содержание

Г.В. Флоровский Владимир Соловьев и Данте: задача христианской империи протоиерей Георгий Флоровский	1
§ I	2
§ II	5
§ III	10
§ IV	14
Примечания	15